

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655>
EDN: MAWNPV

УДК 902(094), 726

ДВА МАВЗОЛЕЯ В СЕЛЕНИИ МАСЛОВ КУТ: К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Э.Д. Зиливинская

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Российская Федерация
eziliv@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: рассмотреть данные о мавзолеях в селении Маслов Кут в окрестностях Маджара.

Материалы исследования: два рисунка XVIII в., на которых изображены мавзолеи различных типов, расположенные в селе Маслов Кут.

Результаты и научная новизна: в работе проанализированы архитектурные особенности двух погребальных сооружений. Мавзолеем на акварели художника М.М. Иванова относится к беспортальным кубическим мавзолеям с круглым барабаном и коническим куполом. Такая форма типична для мавзолеев Золотой Орды. Подобные здания известны, в частности, на расположенном рядом Маджаре. Рисунок из сочинений П.С. Палласа принадлежит авторству итальянского архитектора А.П. Дигби. Восьмигранный мавзолей, изображенный на нем, трактуется не однозначно. Основываясь на рисунке надгробия с куфической надписью, ряд исследователей датируют его XI–XII вв. и считают, что его воздвигли половцы-мусульмане. Другие авторы относили его к корпусу золотоордынских построек. В работе подробно рассматривается архитектура этого здания и делается вывод о том, что он является примером османского зодчества. Подобные мавзолеи известны как в Малой Азии, так и в Крыму. Связи Крымского ханства с Западным и Северным Кавказом хорошо известны по письменным источникам. Возможно, восьмигранный мавзолей в Масловом Куте является еще одним свидетельством этих связей. Наличие в одном месте как минимум двух мавзолеев, относящихся к разным эпохам позволяет сделать вывод о том, что здесь существовал мусульманский некрополь на протяжении нескольких веков. Возможно, здесь находилось почитаемое мусульманами «святое место».

Ключевые слова: Северный Кавказ, Золотая Орда, Маджар, мавзолей, архитектура, османы, Малая Азия, Крымское ханство

Для цитирования: Зиливинская Э.Д. Два мавзолея в селении Маслов Кут: к вопросу о связях Крымского ханства и Северного Кавказа // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 640–655. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655>
EDN: MAWNPV

© Зиливинская Э.Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарность: публикуется в соответствии с планами НИР Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН «Закономерности популяционной дифференциации человечества в пространстве и времени».

TWO MAUSOLEUMS IN THE MASLOV KUT VILLAGE: ON THE QUESTION OF THE CONNECTIONS OF THE CRIMEAN KHANATE AND THE NORTH CAUCASUS

E.D. Zilivinskaya

*N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
eziliv@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To examine data on mausoleums in the Maslov Kut village in the vicinity of Madzhar.

Research materials: Two 18th-century drawings depicting mausoleums of various types located in the Maslov Kut village.

Results and scientific novelty: This work analyzes the architectural features of two burial structures. The mausoleum in the watercolor by artist M.M. Ivanov belongs to the type of portalless cubic mausoleums with a round drum and a conical dome. This form is typical for the mausoleums of the Golden Horde. Similar buildings are known, in particular, in nearby Madjar. The drawing from the works of P.S. Pallas belongs to the authorship of the Italian architect, A.P. Digby. The octagonal mausoleum depicted on it is interpreted ambiguously. Based on the drawing of the tombstone with a Kufic inscription, a number of researchers date it to the 11th–12th centuries and believe that it was erected by Muslim Polovtsians. Other authors attributed it to the corpus of Golden Horde buildings. The work examines the architecture of this building in detail and concludes that it is an example of Ottoman architecture. Similar mausoleums are known both in Asia Minor and in Crimea. The Crimean Khanate's ties with the Western and Northern Caucasus are well known from written sources. Perhaps the octagonal mausoleum in Maslov Kut is further evidence of these ties. The presence of at least two mausoleums in one place, dating back to different eras, allows us to conclude that a Muslim necropolis existed there for several centuries. Perhaps, a "holy place" revered by Muslims was located there.

Keywords: Northern Caucasus, Golden Horde, Madjar, mausoleums, architecture, Ottomans, Asia Minor, Crimean Khanate

For citation: Zilivinskaya E.D. Two mausoleums in the Maslov Kut village: on the question of the connections of the Crimean Khanate and the North Caucasus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 640–655. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.640-655> (In Russian)

Acknowledgements: This work is published in accordance with the research program "Patterns of the Population Differentiation of Humanity in Space and Time" of the N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

В городах Золотой Орды известно множество монументальных построек, возведенных из камня, кирпича и сырцового (необожженного) кирпича. Это – мечети с минаретами, медресе, мавзолеи, общественные бани, караван-сарай, дворцовые здания. Самая многочисленная категория зданий, дошедших до нас в том или ином виде – мавзолеи. В настоящее время их исследовано более ста. Значительная часть известна по археологическим раскопкам, которые интенсивно проводились со второй половины XX в. По данным, полученным в результате археологических изысканий, были выявлены различные типы мемориальных построек и составлена их подробная классификация [8, с. 97–168]. Однако, полностью восстановить их внешний облик по планиграфии бывает довольно затруднительно. Здесь помогают визуальные данные, такие как рисунки и фотографии тех времен, когда здания стояли в полный рост. Также некоторые из них были описаны исследователями и путешественниками, посещавшими руины древних городов. Эти записки также важны и содержат порой некоторые уникальные сведения или просто уточнения.

Особое место в изучении золотоордынской мемориальной архитектуры занимает город Маджар. В XIV в. он являлся крупнейшим на Северном Кавказе городским центром. Но широкую известность он получил не из-за своих размеров и даже не из-за значения, которое имел в экономической и политической жизни Улуса Джучи. Прежде всего, город известен своим некрополем, который сохранялся до конца XVIII в. Постройки городов Нижнего и Среднего Поволжья, которые были не менее великолепны, начали разбираться на кирпич уже в XVI в. сразу после завоевания Казанского и Астраханского ханств. Хорошо известен указ Федора Иоанновича 1578 г., в котором он призывает ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань [18, с. 255]. Маджар, расположенный в труднодоступной местности, простоял достаточно долго, и на кирпич его стали разбирать только в конце XVIII – начале XIX вв. Долгие всего сохранялись развалины загородного некрополя, в котором находилось более 50 мавзолеев различных типов [6; 7]. Долгое время при описании монументальных построек Золотой Орды в качестве иллюстраций непременно приводились цветные гравюры К. Гайслера, который побывал в 1793 г. вместе с П.С. Палласом в Маджаре. Они были опубликованы в книге последнего [25] и получили широкую известность. Весьма интересна история экспедиции, снаряженной астраханским губернатором и известным историком В.Н. Татищевым в 1842 г. для изучения Маджара [17]. Результатом ее явился план Маджарского некрополя, выполненный А. Голохвастовым и панорама, которую зарисовал «Академии наук ученик живописный» Михаил Некрасов. Впоследствии гравюра, сделанная с этого рисунка, была опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга. Наряду с ней на той же странице помещены планы и разрезы еще трех мавзолеев из Маджара и прилегающих территорий [24, s. 530]. И наконец, относительно недавно были введены в научный оборот рисунки «Маджарских развалин», которые принадлежат кисти известного акварелиста, члена Академии художеств М.М. Иванова [10]. М.М. Иванов состоял на военной службе у князя Г.А. Потемкина и, переезжая с места на место с войсками оставил множество рисунков Астрахани, Крыма и Кавказа. В 1783 г. он посетил Маджар. Альбомы с рисунками М.М. Иванова хранились в Отделе рисунка Государственного Русского музея и были известны, в основном, искусствоведам.

Анализ всех этих визуальных материалов показал, что в Маджарский некрополь составляли мавзолеи различных типов [6, 7].

Если вернуться к акварелям М.М. Иванова, то из подписей к ним следует, что три рисунка сделаны в Маджаре и, скорее всего, на них изображены те же здания, которые впоследствии нарисовал К. Гайслер. Подпись на четвертом листе (рис. 1) гласит: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам» [10, рис. 5]. Урочище Маслов Кут расположено в 36 км к юго-западу от г. Буденновска, который большей частью перекрывает средневековый Маджар. В настоящее время здесь находится село Стародубское. Мавзолей на акварели имеет призматическое, близкое к кубу, основание. Второй ярус представлен круглым барабаном, в котором сделано 18 щелевидных оконных проемов. Перекрывает барабан конический купол. В передней стене нижнего яруса изображен дверной проем, который завершается полукруглой аркой. Вероятно, мавзолей был фасадным, так как следов портала не наблюдается. Здание аналогичной формы из Маджара изображено на гравюре из альманаха Бюшинга. Такая архитектура типична для золотоордынских мавзолеев [8, с. 100–145].

Еще один мавзолей из Маслова Кута приведен в труде П.С. Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 гг.». Наряду с популярными гравюрами К. Гайслера в книге помещен менее известный рисунок восьмигранного мавзолея с подземным склепом (рис. 2). Профессионально выполненный чертеж имеет заглавие на французском языке, которое гласит: «План, фронтальная проекция и профиль могильного памятника, выполненного из кирпича, найденного в Масловом Куте на реке Подкумок, недалеко от Маджара, на Кавказе» [25, S.308, Tab. 12]. Рисунок содержит максимум сведений о всех аспектах архитектуры памятника: на нем изображен не только фасад, но и горизонтальные и вертикальные разрезы как наземной, так и подземной частей. Также приведен фрагмент могильного камня с арабской надписью, который, вероятно, относится к мавзолею. Согласно подписи, автором рисунка является архитектор Александр Дигби.

Если биография К. Гайслера, тесно связанного с П.С. Палласом и его исследованиями хорошо известна, то имя Дигби встречается в работах академика всего лишь один раз. Было бы интересно узнать что-либо об этом человеке.

В конце XVIII – начале XIX вв. в России трудился итальянский архитектор Александр Петрович Дигби (Дигбий Алессандро Пьетро), родившийся в Тоскане. Известность ему принесла служба в должности губернского архитектора Астрахани, обязанности которого он исполнял с 1786 по 1803 гг. Самым большим достижением на этом посту была разработка Генерального плана Астрахани (1801 г.). Также он работал в городах Кавказской губернии, таких как Моздок, Георгиевск, Пятигорск. В Одессе А.П. Дигби построил первый каменный мост. Один из детей А.П. Дигби, также Александр, унаследовал отцовскую профессию. В 1830–1840-х годах, он работал в Керчи, где совместно с И.И. Тумковским создал проект нового городского плана. С его именем связаны проекты знаковых для Керчи архитектурных памятников таких, как часовня Стемпковского, новый Карантин, Большая Митридатская лестница, уездное училище, городская больница, полицейские здания с ка-

ланчей, колокольня Троицкого собора и католический храм, колокольня греческой Предтеченской церкви [13].

Рис. 1. Иванов М.М. На Масловом Куте от Егорьевской крепости
в 45 верстах к Мажарам (по [10])

Fig. 1. Ivanov M.M. On Maslovy Kut from the Yegoryevskaya fortress
45 versts to Mazhary (according to [10])

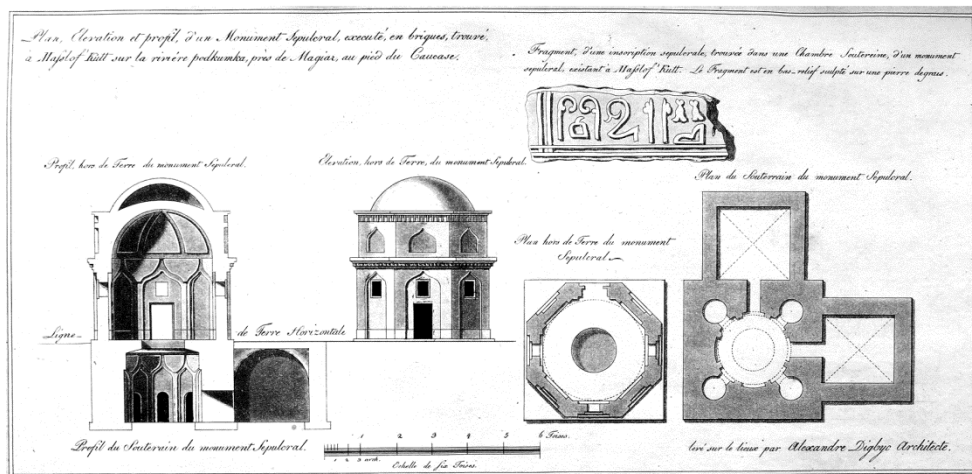

Рис. 2. Мавзолей в селе Маслов Кут (по [25])

Fig. 2. Mausoleum in the Maslov Kut village (according to [25])

Автором рисунка мавзолея в Масловом Куте, скорее всего, является Дигби-отец. Он мог увидеть и зарисовать мавзолей во время службы на Кавказе. Здание имеет два яруса. Нижний ярус представляет собой восьмигранную призму

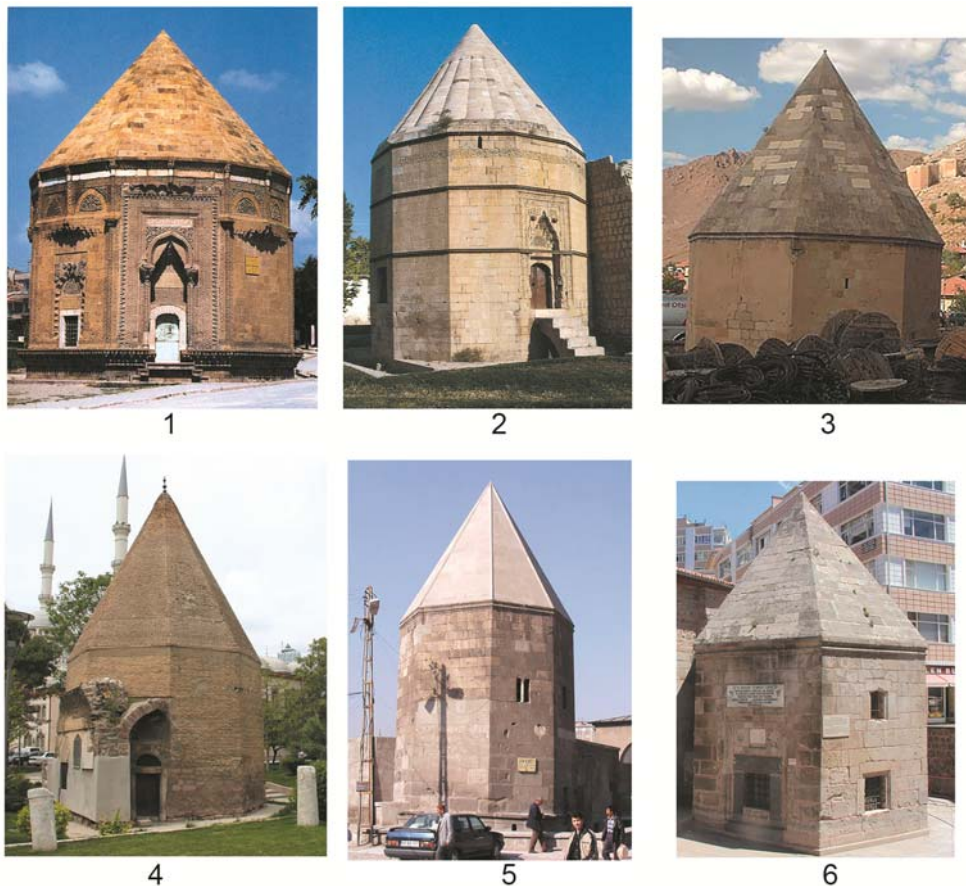

Рис. 3. Сельджукские башенные мавзолеи: 1 – Худавенд Хатун тюрбе, 1312 г.; 2 – тюрбе Караманоглу Алаеддин бей, XIII в.; 3 – мавзолей в Сивасе, XIII в.; 4 – мавзолей визиря султана Кейкубада в Конье, 1239 г.; 5 – мавзолей Танривермиш в Кайсери, 1188 г.; 6 – мавзолей Ибрагима Теннури в Кайсери, 1485 г. (по [26])

Fig. 3. Seljuk tower mausoleums: 1 – *dürbe* of Hudavent hatun, 1312; 2 – *dürbe* of Karamanoğlu Alaeddin bey, 13th century; 3 – Mausoleum in Sivas, 13th century; 4 – Mausoleum of Sultan Keykubad's Vizier in Konya, 1239; 5 – Mausoleum of Tanrıvermiş in Kayseri, 1188; 6 – Mausoleum of İbrahim Tennuri in Kayseri, 1485 (according to [26])

в верхней части которой имеется выступающий профилированный карниз. В каждой грани находятся углубленные в стену ниши с килевидным завершением. В верхней части этих ниш сделаны небольшие прямоугольные окна. Вход в помещение находится в нише северной грани. Второй ярус представлен восьмигранным барабаном меньшего диаметра, также увенчанного карнизом. В гранях барабана сделаны аналогичные ниши с килевидным завершением, но глухие. Перекрыто здание полусферическим, чуть уплощенным куполом, который опирается на барабан.

Тщательно выполненный вертикальный разрез здания позволяет оценить его интерьер. Внутри стены также украшены килевидными арками. Помещение перекрыто внутренним сферическим куполом.

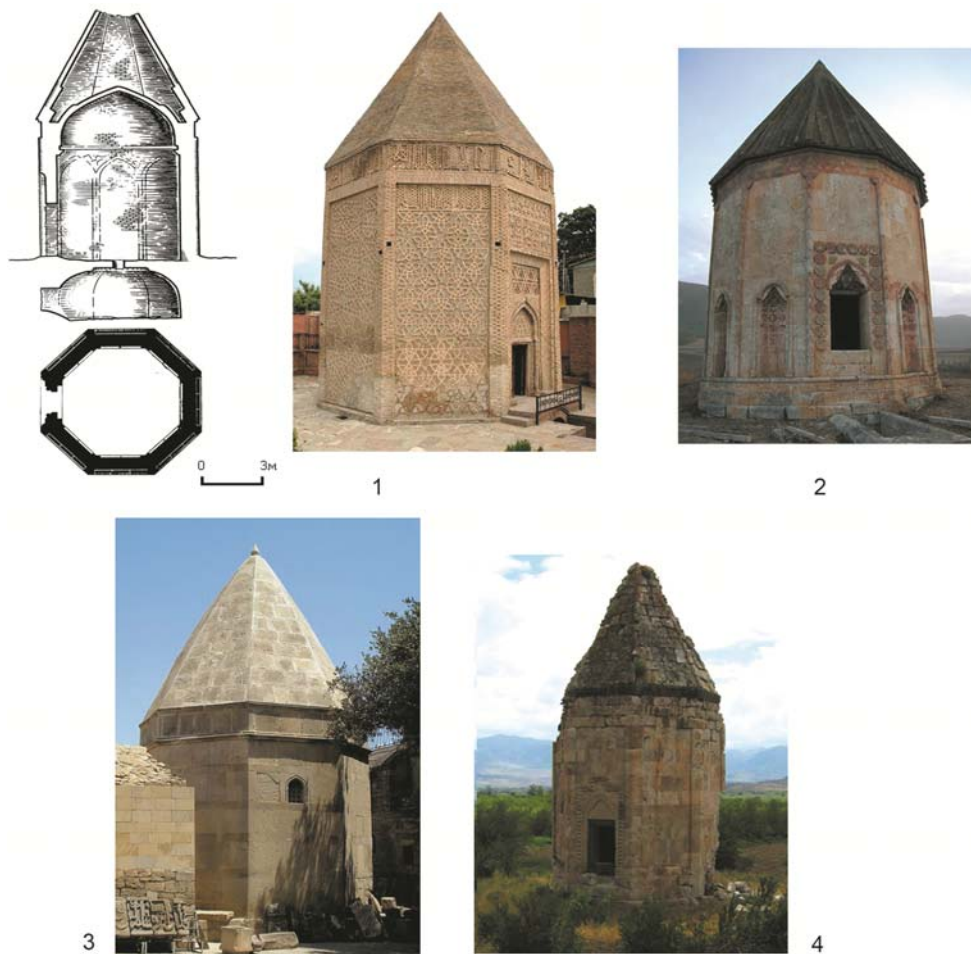

Рис. 4. Башенные мавзолеи Азербайджана: 1 – Юсуфа ибн Кусейра, XII в.;
2 – Хачин-Дорбатлы, XIV в.; 3 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви, XV в.;
4 – мавзолей Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г. (по [3])

Fig. 4. Tower mausoleums of Azerbaijan: 1 – Mausoleum of Yusuf ibn Kuseir, 12th century; 2 – Khachin-Dorbatly, 14th century; 3 – Mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi, 14th century; 4 – Mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Haj, 1305 (according to [3])

На чертеже также изображен обширный подземный склеп, в котором совершались захоронения. Под основным наземным помещением располагалась круглая или восьмигранная в плане камера, стены которой были также декорированы арками с килевидным завершением. В четырех гранях помещения в углах его квадратного основания были сделаны узкие проходы, которые вели в небольшие круглые камеры. Еще два прохода, сделанные в южной и западной стенах, соединяли центральную камеру с обширными дополнительными помещениями. Они были квадратными в плане и имели купольное перекрытие. Такая сложная структура подземной части мавзолея свидетельствует о том, что он был рассчитан на большое количество погребенных и, возможно, являлся родовой усыпальницей.

1

2

3

4

5

Рис. 6. Османские мавзолеи: 1 – Мустафы Шехзаде в Бурсе, 1553 г.;
 2 – кладбище при мечети Мурадийе в Бурсе, XV в.; 3 – Сенаби Ахмет паша
 в Анкаре, 1595 г.; 4 – Хайреддина Барбаросса в Стамбуле, 1541 г.;
 5 – Махмуд паша в Стамбуле, XVI в. (по [23; 26])

Fig. 6. Ottoman mausoleums: 1 – Mustafa Şehzade in Bursa, 1553; 2 – cemetery
 at the Muradiye Mosque in Bursa, 15th century; 3 – Senabi Ahmet Pasha in Ankara, 1595;
 4 – Hayreddin Barbarossa in Istanbul, 1541; 5 – Mahmud Pasha in Istanbul, 16th century
 (according to [23; 26])

Опубликованный П.С. Палласом рисунок А. Дигби послужил предметом исследования ряда авторов. Известного исследователя эпиграфики Кавказа Л.И. Лаврова привлекла надпись на могильном камне. Не нужно быть специалистом по эпиграфике, чтобы увидеть, что она имеет во многом фантазийный характер, так как А. Дигби не знал арабских букв. Л.И. Лавров не смог ее прочитать [12, с. 78], но считал, что она написана куфическим письмом и относится к XI–XII вв., что придает ей исключительную ценность. Исследователь писал: «Эта находка, которой П.С. Паллас не придавал значения, остается по настоящий день единственным в степях достоверным памятником раннего мусульманства... Этот фрагмент почему-то не привлекал внимания историков. Между тем он является важным документом не только для датировки зарисованного П.С. Палласом мавзолея. Последний оказался

1

2

3

Рис. 7. Мавзолеи Крымского ханства: 1 – дюрбе на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца; 2 – Большой восьмигранник в Азизе; 3 – дюрбе Дильяры Бикеч, 1764 г. (фото автора)

Fig. 7. Mausoleums of the Crimean Khanate: 1 – *dürbe* on the territory of the khan's cemetery of the Bakhchisarai Palace; 2 – Large octagon in Aziz; 3 – *dürbe* of Dilyara Bikech, 1764 (photo by the author)

самым ранним на Северном Кавказе сооружением этого типа. Гораздо большее значение фрагмента состоит в том, что он свидетельствует о проникновении ислама в северокавказские степи в XI–XII вв.» [12, с. 23, 182].

Л.Г. Нечаева также относила мавзолеев из Маслова Кута к половецкому времени. По ее мнению, основная масса половцев исповедовала ислам. К этому выводу исследовательницу привело изучение миниатюр Радзивилловской летописи, где изображены половецкие стяги с полумесяцами. На одной из миниатюр также можно видеть круглые в плане сооружения с куполами, которые Л.Г. Нечаева атрибутирует как мавзолеев. Мавзолеев в Масловом Куте, некоторые мавзолеев Маджара и сооружения, изображенные в летописи, исследовательница относит к особому типу «кульевидных» мавзолеев [16, с. 86].

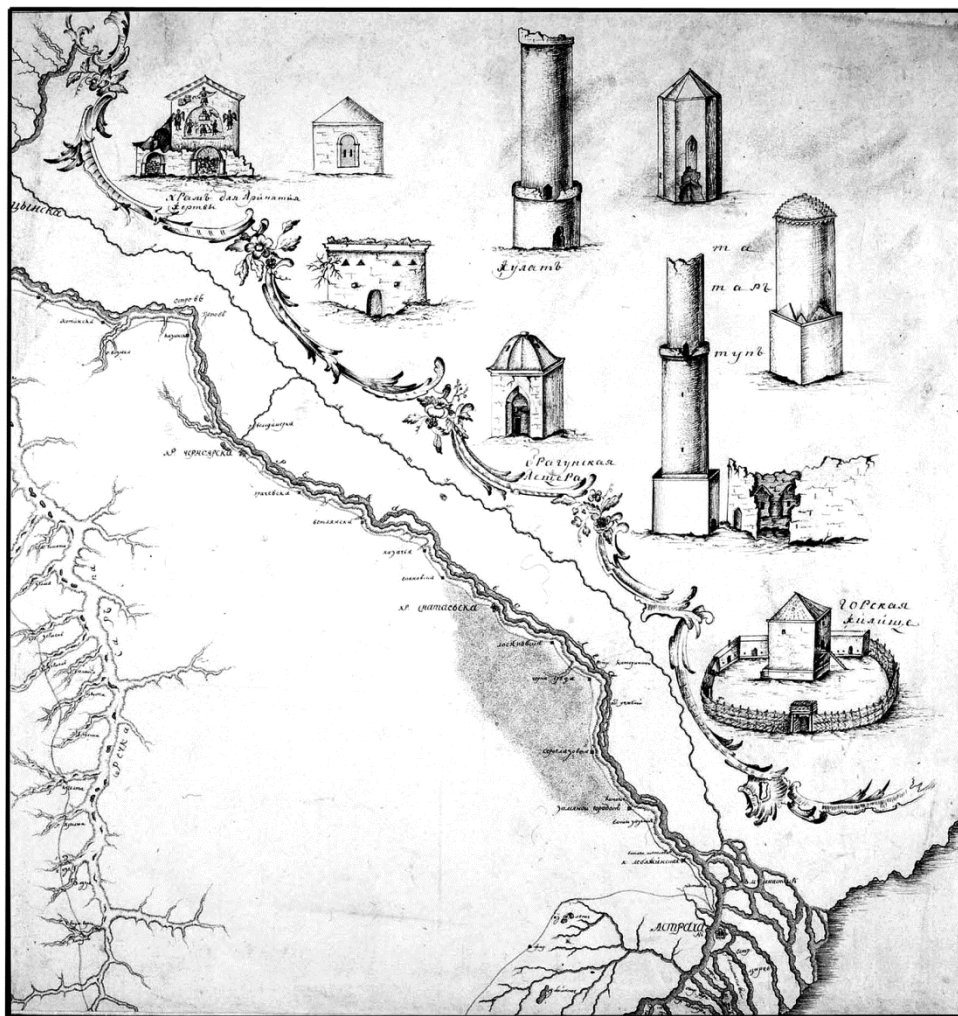

Рис. 5. Карта, составленная подполковником Штедером в конце XVIII в. (по [9])

Fig. 5. Map compiled by Lieutenant Colonel Steder at the end of the 18th century (according to [9])

Во всех этих утверждениях много спорного. Прежде всего, не существует ни письменных, ни археологических источников, которые свидетельствовали бы о массовом распространении ислама в половецкой среде. Одни лишь миниатюры Радзивилловской летописи, список которой датируется XV в., не могут служить достаточным доказательством. И, хотя некоторые исследователи считают, что миниатюры имеющегося списка являются копиями более ранних, относящихся, возможно, к XI в. [1, с. 4–40], степень их идентичности неизвестна. Кроме того, наличие полумесяца на стягах вовсе не свидетельствует о том, что перед нами мусульмане. В.В. Бартольд, посвятивший этому вопросу отдельную работу, писал, что «полумесяц как религиозный символ, имевший то же значение, как крест для христианских храмов, был характерен не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама и, например, на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания» [2,

с. 489–490]. Соответственно быть мусульманским символом в XI–XII вв. он никак не мог. Довольно странно применение термина «ульевидные мавзолеи» для средневековья. Обычно этот термин применяется для построек энеолита и бронзового века. Что касается половецкого времени, то ни один мусульманский мавзолей, возведенный половцами, нам не известен.

В капитальной работе, посвященной мавзолеям Маджара, Э.В. Ртвеладзе рассматривал восьмигранный мавзолей вместе с погребальными памятниками этого города. Он исходил из тех соображений, что Маслов Кут находится в непосредственной близости от Маджара, вокруг которого были и другие золотоордынские поселения (Малые Маджары, Нижние Маджары) [19, с. 277]. В более поздних работах о золотоордынских мавзолеях здание из Маслова Кута также относилось к корпусу золотоордынских построек [6; 7].

На территории Золотой Орды, в частности на Северном Кавказе встречаются многогранные в плане мавзолеи [8, с. 150–152]. Их изображения можно видеть на рисунках М. Некрасова и М.М. Иванова, а также карте подполковника Штедера конца XVIII в. Мавзолей № 8 у Эссентуков также имеет в плане форму многогранника [9].

Мавзолеи подобной архитектуры были распространены в сельджукский период в Азербайджане и Малой Азии. В истории архитектуры они получили название «башенные мавзолеи». В Малой Азии известны мавзолеи Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Денер Кюмбет в Кайзерии (XIII в.), Худавент Хатун тюрге в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 3) [26, р. 50–53; 23, р. 306–311, 540–542]. Подобную структуру имеют азербайджанские мавзолеи Моминехатун (XII в.), в с. Ханега (XII–XIII в.), Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани (XII в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г., Мир Али (XIV в.), Сейида Яхья Бакуви (XV в.), в Барде (XIV в.) (рис. 4) [20, с. 80–104, 127–162; 3, с. 96–199].

Для башенных мавзолеев Малой Азии и Азербайджана характерны нерасчлененные плоские грани, которые могут быть украшены лишь каменной резьбой. Барабана у них нет, а венчает здание конический или пирамидальный, довольно высокий купол. Внутри помещение перекрывает внутренний купол полусферической формы. Е.И. Кононенко, основываясь на внешнем сходстве, называет их «карандашиками» [11, с. 36]. На карте Северного Кавказа Штедера 1782 г. среди других памятников можно видеть подобный мавзолей в виде «карандашика» (рис. 5). Слегка сужающиеся кверху башни с гладкими стенами присутствуют на рисунках М. Некрасова и М.М. Иванова. Судя по описаниям и некоторым чертежам, склепы в этих зданиях более простой формы, они квадратные в плане, иногда с нишами в стенах и перекрыты куполами.

Архитектура мавзолея в селе Маслов Кут более сложная: он имеет барабан и ниши в стенках нижнего яруса и барабана. Перекрыт он не шатровым, а полусферическим куполом. Такую структуру имеют османские мавзолеи (дюрбе). Обычно это довольно высокие восьмигранные постройки, стены которых лишены объемного каменного декора. Окна могут быть расположены в «два света» (рис. 6). В некоторых зданиях над нижним ярусом возвышается восьмигранный барабан меньшего диаметра. Стены основного объема и барабана либо гладкие, либо оформлены нишами, в которых находятся настоящие или ложные окна. Перекрывались османские мавзолеи всегда полусферическими куполами.

В Крыму, который находился под управлением Османской империи, архитектура мавзолеев была сходной (рис. 7). Здесь сохранились такие мемориальные постройки этого времени как «Большой восьмигранник» в Азизе, два восьмигранных дюрбе на территории ханского кладбища Бахчисарайского дворца (усыпальницы Девлета I Герая (XVI в.) и Исляма III Герая (XVII в.), а также мавзолей Диляры Бикеч 1764 г. постройки. С последним здание в Масловом Куте сближает оформление стен. Грани основного объема мавзолея Диляры Бикеч декорированы аркатурой из многолепестковых и стрельчатых арок, образующих два яруса. На гранях барабана также сделаны слегка заглубленные арочки. Нижнюю и верхнюю части опоясывает сильно профилированный карниз.

Планировка подземной части мавзолея в Масловом Куте с угловыми ответвлениями от основного объема также напоминает структуру склепа мавзолея Хаджи-Герая I в Салачике, по углам которого сделаны сложно профилированные ниши [4, с. 66].

Таким образом, рассматриваемая постройка по своим архитектурным формам является типичным образцом османского зодчества. Интересно проследить, каким образом данная архитектурная традиция проникла на Северный Кавказ. Мне представляется, что наиболее близким регионом, где подобные здания получили распространение является Крымский полуостров.

Согласно сведениям многочисленных исторических источников, Крымское ханство было тесно связано с Западным и Северным Кавказом. Ханы проводили здесь активную политику и некоторые территории периодически подпадали в прямую зависимость [15, с. 102, 122, 131–133, 136, 139]. Для упрочения власти на Западном Кавказе крымские ханы возводили многочисленные крепости [15, с. 116–117]. Также представители крымско-татарской знати часто были кровно связаны с уроженцами Северного Кавказа через династические браки. Из черкесов-кемергойцев происходила мать Хаджи-Герая, основателя ханства, а одной из его жен была асская княжна, которая родила ему сына и наследника Менли Герая [5, с. 293, 305]. Важную роль во взаимоотношениях Крыма и Кавказа играл институт аталычества. Согласно этому обычаю ханских детей отправляли для воспитания в черкесские земли. Эвлия Челеби отмечает, что в 40–60 гг. XVII в. каждое черкесское племя имело у себя по отпрыску из рода Гераев [21, с. 74; 22, с. 117]. Известны случаи, когда представитель крымско-татарской знати спасались от преследования своими политическими противниками в Черкессии. Например, смещенный с трона в 1665 г. хан Мехмед IV Герай уехал в Дагестан, где прожил дервишем до самой смерти еще восемь лет [5, с. 305–306].

Можно предположить, что одним из свидетельств присутствия на Северном Кавказе представителей крымско-татарской знати является построенный в османских традициях восьмигранный мавзолей в Масловом Куте. Находка плиты с куфической надписью отнюдь не датирует время постройки здания. Она могла относиться к какому-то более раннему погребению, а мавзолей эпохи Крымского ханства был построен на «святом месте», где уже существовал некрополь. Эвлия Челеби, повествуя о своем пути через земли Кабарды, описывает подобный случай. Он посетил место поклонения, гробницу имама «борца за веру, обладателя достоинства и мужества, могучего и достойного». Этот человек был отправлен к кумыкам и кайтакам, чтобы обра-

тить их в истинную веру «на основе ярлыка – шахской грамоты с приложением отпечатка благословенной правой руки». Народы Кавказа приобщились к исламу, а «отпечаток благословенной руки» был положен в раку, захоронен, и над ним было выстроено несколько великолепных зданий. Тимур разрушил все постройки и сравнял их с землей. Позже падишахи Дагестана «заботливо отстроили эти высокие купола» [21, с. 80–81].

Таким образом в селении Маслов Кут (современное Стародубское), расположенном в 36 км к юго-западу от современного города Буденновска, построенного на месте золотоордынского Маджара, находился средневековый мусульманский некрополь. На акварели М.М. Иванова запечатлен кубический беспортальный мавзолей с барабаном и шатровой крышей. Подобные мавзолеи были широко распространены в Золотой Орде. Встречаются они и в расположенном рядом Маджаре [8, с. 100–145].

Восьмигранный мавзолей, зарисованный А. Дигби и опубликованный П.С. Палласом, по своей архитектонике и оформлению стен близок османским мавзолеям Малой Азии и Крыма. Возможно, он принадлежал представителю крымско-татарской знати, связанному с Северным Кавказом. Если же обломок надгробия, найденный в этом мавзолее или рядом с ним, действительно содержит куфическую надпись, можно предположить, что элитный мусульманский могильник существовал на этом месте с домонгольского периода вплоть до эпохи Крымского ханства. Возможно, здесь находилось почитаемое мусульманами «святое место», подобное описанному Эвлией Челеби.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: МГУ, 1944. 213 с.
2. Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама // Бартольд В.В. Сочинения Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 489–491.
3. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966. 785 с.
4. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев-Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с.
5. Зайцев И.В., Хотко С.Х. Отношения Крымского ханства с черкесами во второй половине XVI–XVII вв. // История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 292–306.
6. Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. № 3. С. 52–69.
7. Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 309–331.
8. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
9. Зиливинская Э.Д. Башенные мавзолеи Северного Кавказа. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный: изд-во Чеченского государственного университета, 2016. С. 218–220.

10. Зиливинская Э.Д., Капарулина О.А. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа. М.: Таус, 2013. С. 82–98.
11. Кононенко Е.И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 480 с.
12. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XVII вв. Ч. I. М.: Наука, 1966. 261 с.
13. Лазенкова Л.М. Зодчий Керчи Александр Дигби (1758–?) // Красновские чтения. Сборник научных статей. Ливадийский Дворец-музей. Симферополь, 2006. С. 28–34.
14. Михайлова М.Б. Александр Дигби – зодчий классицизма на юге России // Архитектурное наследство. Вып. 28. М.: Стройиздат, 1980. С. 80–88.
15. Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик, 2015. 255 с.
16. Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1978. С. 87–112.
17. Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. 1925. С. 201–216.
18. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. 303 с.
19. Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА, 1973, №1. С. 271–278.
20. Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Гостройиздат, 1963. 396 с.
21. Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века). Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
22. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII века. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.
23. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
24. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769–1793. Th. 6. 1771. 556 S.
25. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 s.
26. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tachen, 1998. 238 p.

REFERENCES

1. Arcihovskiy A.V. Old Russian miniatures as a historical source. Moscow: MGU, 1944. 213 p. (In Russian)
2. Bartol'd V.V. On the issue of the crescent as a symbol of Islam. *Bartol'd V.V. Works* Vol. VI. Moscow: Nauka, 1966, pp. 489–491. (In Russian)
3. Bretanickiy L.S. Architecture of Azerbaijan 12th–15th centuries. and its place in the architecture of the Middle East. Moscow: Iskustvo, 1966. 785 p. (In Russian)
4. Gavrilyuk N.A., Ibragimova A.M. Turbe of Khan Khadzhi Giray (based on archaeological research from 2003–2008). Kiev-Zaporozh'e: Dikoe Pole, 2010. 176 p. (In Russian)
5. Zaitsev I.V., Khotko S.Kh. The Relations of the Crimean Khanate with the Circassians in the second half of the 16th–17th centuries. *History of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. III. Crimean Khanate of the 15th–18th centuries.* Ed. by I.V. Zaitsev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 292–306. (In Russian)

6. Zilivinskaya E.D. Golden Horde Mausoleums of the North Caucasus. *Golden Horde civilization*. Kazan, 2010, no 3, pp. 52–69. (In Russian)
7. Zilivinskaya E.D. Architectural monuments of Majar according to drawings and descriptions of the 18th century. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archeology, local history, museology*. Issue. XI. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013, pp. 309–331. (In Russian)
8. Zilivinskaya E. Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture. Moscow-Kazan: «Otechestvo», 2014. 448 p. (In Russian)
9. Zilivinskaya E.D. Tower Mausoleums of the North Caucasus. Study and Preservation of the Archaeological Heritage of the Peoples of the Caucasus. *Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings. Proceedings of the International Scientific Conference. Grozny, April 18–21, 2016*. Grozny: izd-vo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, pp. 218–220. (In Russian)
10. Zilivinskaya E.D., Kaparulina O.A. Unknown drawings of Majar mausoleums from the collections of the State Russian Museum. *Essays on medieval archeology of the Caucasus*. Moscow: Taus, 2013, pp. 82–98. (In Russian)
11. Kononenko E.I. Anatolian mosque of the 11th–15th centuries. Essays on the history of architecture. Moscow: Progress-Tradiciya, 2018. 480 p. (In Russian)
12. Lavrov L.I. Epigraphic monuments of the North Caucasus of the 10th–17th centuries. Part I. Moscow: Nauka, 1966. 261 p. (In Russian)
13. Lazenkova L.M. Kerch architect Alexander Digby (1758–?). *Krasnov readings. Collection of scientific articles*. Livadia Palace-Museum. Simferopol, 2006, pp. 28–34. (In Russian)
14. Mihaylova M.B. Alexander Digby – Classicist Architect in Southern Russia. *Architectural heritage*. Issue 28. Moscow: Stroyizdat, 1980, pp. 80–88. (In Russian)
15. Nekrasov A.M. Selected Works. Nalchik, 2015. 255 p. (In Russian)
16. Nechaeva L.G. About the mausoleums of the North Caucasus. Material culture and economy of the peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 87–112. (In Russian)
17. Pal'mov N.N. To the Astrakhan period of V.N. Tatishchev's life. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 1925, pp. 201–216. (in Russian)
18. Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 34: Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers. Moscow, 1978. 303 p. (in Russian)
19. Rtveladze E.V. Majar Mausoleum. *Soviet archeology*, 1973, no. 1, pp. 271–278. (in Russian)
20. Usseynov M.A., Bretanickiy L.S., Salamzade A. History of architecture of Azerbaijan. Moscow: Gos. Izd. Po stroitel'stvu, arhitekture i stroitel'nyim materialam, 1963. 396 p. (In Russian)
21. Evliya Chelebi. Book of Travels (Extracts from the works of the Turkish traveler of the 17th century). Issue 2. Lands of the Northern Caucasus, the Volga region and the Don region. Moscow: Nauka, 1979. 287 p. (In Russian)
22. Evliya Chelebi. Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions. Extracts from the Works of the Turkish Traveler of the 17th Century. Simferopol: Dolya, 2008. 270 p. (In Russian).
23. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
24. Magazin für die neue Historie und Geographie. Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Halle: Curt, 1769-1793. Th. 6. 1771. 556 s.
25. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793-1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799. 516 s.
26. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tachen, 1998. 238 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119334, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emma D. Zilivinskaya – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3485-0359, ResearcherID: G-4161-2018. E-mail: eziliv@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.08.2025

Принята к публикации / Accepted 01.09.2025